

ВИНОГРАД В ЕВРОПЕЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКЕ ЦВЕТОВ (XVIII–XIX ВВ.)

Ненарокова Мария Равильевна, доктор филологических наук, Институт Мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Москва, Россия maria.nenarokova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5798-9468>

Аннотация: Статья посвящена винограду как элементу языка цветов, культурного феномена XVIII–XIX вв. Виноград относится к наиболее древним «словам» языка цветов, к античному ядру. Он рассматривается как многозначное слово или короткое предложение. Использование винограда характерно для всех европейских языков цветов, включая и русский. Одной из областей применения языка цветов являются тексты художественной литературы. На реализацию отдельно взятого значения винограда влияет эпитет, обозначающий цвет. Самыми распространенными цветами винограда оказываются красный и желтый, гораздо реже встречается зеленый виноград. Красный цвет усиливает значения «веселье», «праздник», «плотские удовольствия». Желтый связан с родительским счастьем, родиной, дружбой, непорочной молодостью. Зеленый появляется в контекстах «попытка скрыть разочарование», «неумение/неспособность к чему-либо». В число наиболее распространенных значений винограда входят «праздник», «радость», «наслаждение», «плотская любовь». Вторая группа значений связана со сферой интеллектуальной деятельности. Это «истинное знание», а также «неумение», «ограниченность личности». Последнее значение имеет корни в русском фольклоре. Виноград может появляться в контекстах, где речь идет о поэзии и вдохновении, но также символизирует мирную сельскую жизнь. Поскольку это растение сопровождает античных богов и богинь, изображавшихся в человеческом облике, виноград используется в сравнениях, раскрывающих особенности характеров героев и героинь.

Ключевые слова: история литературы, европейская литература XVIII–XIX вв., русская литература, поэзия, проза, язык цветов, виноград, символ, эмблема

Для цитирования: Ненарокова М.Р. Виноград в европейском и русском языке цветов // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 2. С. 117–122. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-2-117-122>

Research Article

GRAPES IN EUROPEAN AND RUSSIAN LANGUAGE OF FLOWERS (THE 18TH –19TH CENTURIES)

Maria R. Nenarokova, DSc in Philology, Leading Research Fellow, A.M. Gorky institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, maria.nenarokova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5798-9468>

Abstract. The article focuses on grapes as an element of the language of flowers, the 18th–19th century cultural phenomenon. Grapes belong to the ancient “core” of the language of flowers. It is considered a polysemantic word or a short sentence. Its use is typical for all European languages of flowers, including Russian. Grapes are often found in fiction. The epithet influences the contextual meaning of grapes. The most common colours are red and yellow, while green is much less used. Red colour enhances the meanings “fun”, “feast”, “carnal pleasures”. Yellow is associated with parental happiness, homeland, friendship, immaculate youth. Green appears in the contexts “trying to hide frustration”, “lack of skill”. The first group of meanings includes “feast”, “joy”, “pleasure”, “carnal love”. The second group of meanings is associated with the field of intellectual activity: “true knowledge”, “narrow-mindedness”. The latter meaning comes from the Russian folklore. Grapes can symbolise poetry and inspiration, and peaceful rural life as well. Since this plant accompanies ancient gods and goddesses, depicted in human form, grapes are used in comparisons that reveal the peculiarities of heroes and heroines’ characters.

Keywords: history of literature, 18th–19th centuries European literature, Russian literature, poetry, prose, language of flowers, grapes, symbol, emblem

For citation: Nenarokova M.R. Grapes in European and Russian Language of Flowers (the 18th –19th centuries). Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 27, № 2, pp. 117–122 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-2-117-122>

Европейский язык цветов, культурный феномен XVIII–XIX вв., по своему предназначению является средством общения, иными словами, коммуникационной системой, обеспечивающей контакты между людьми в сфере эмоций. Первые книги, говорящие об этой знаковой системе как о языке, появилась в 1810-х гг. Как писала одна из создательниц языка цветов, Шарлотта де ла Тур, «этот язык... сообщает очарование дружбе, благодарности, любви ребенка, материнской любви. Даже несчастье может принять помощь от этого приятного языка» [Tour 1858: 5]. Цветы в этом языке рассматриваются не как буквы, а как отдельные слова или предложения. Непосредственным, самым близким по времени европейским источником языка цветов была барочная традиция эмблем, чего создатели языка цветов и не скрывали, приводя в предисловиях к своим сочинениям определение эмблемы: «Эмблемы вообще суть хитроумные картинки, представляющие взору одно и пониманию другое» [Phillips 1825: 19]. Отдельные растения рассматривались составителями словарей языка цветов как слова, поэтому многозначность таких «слов» принималась как должное: «Там, где авторитетные источники давали разные значения, мы тщательно отыскивали наиболее правильное; и в некоторых случаях, когда оба казались равно хороши, приведены два значения» [Ildrewe 1865: 6].

Виноград относится к наиболее древним «словам» языка цветов, к его античному ядру. В древней Греции он был символом бога Вакха и Силена, его воспитателя. К XVII–XIX вв., когда в ходу были словари эмблем и символов, виноград стал также соотноситься с Помоной, богиней плодородия и изобилия, и с вакханками, спутницами Вакха, а также с осенью [Masenius 1681: 211].

Судя по тому, со сколькими мифологическими фигурами связан виноград, его можно считать многозначным словом. И действительно, в словаре «Избранные Эмблемы и Символы», изданном Н. Максимовичем-Амбодиком в 1788 г., виноград имеет следующие значения: «изобилие, веселие, страна, добрым вином изобилующая... пьянство и бешенство, излишним употреблением вина причиняемое» [Эмблемы и символы 1995: 52, 53].

В начале XIX в. существовали четыре основные традиции языка цветов: французская, возникшая первой; из Франции язык цветов попал сначала в Германию, затем в Англию, позже из Англии в Америку; Россия приняла все традиции равно. Хотя комплекс значений, приданных винограду, в общих чертах сохраняется, словари акцентируют в нем аспекты, определяющиеся самими национальными традициями. Так, во французском языке цветов основным значением, которое придавалось винограду, было «опьянение» [Tour 1858: 319; L’Ancien et Le Nouveau Language

des Fleurs 1850: 85; Faucon 1860: 127], а также его последствия – «легкомыслие» [L’Ancien et Le Nouveau Language des Fleurs 1850: 85] и «ярость» [Faucon 1860: 127]. Английский язык цветов складывался в эпоху Регентства, когда нравы в английском обществе были свободнее, и в этот период виноград также символизировал «опьянение» [Phillips 1825: 126]. В Викторианской Англии одной из главных ценностей была семья, домашний очаг, и значение винограда изменилось на «плодородие» [Voices from the Garden 1849: 13], а затем на «чистая любовь» [например: Burke 1856: 26; Walser 1897: 239] (англ. *charity* из лат. *caritas* – «небесная, возвышенная любовь»). Последнее значение закрепилось в Англии за виноградом на всю вторую половину XIX в. В американской традиции достаточно долго сохраняются значения «веселье» [Hale 1833: 254; Miles 1848: 86] и «опьянение» [Miles 1848: 85; Ildrewe 1865: 128], но во второй половине XIX в. виноград, как и в английском языке цветов, стал означать «чистую любовь» [The Lady’s Book of Flowers and Poetry 1842: 230].

Пожалуй, наиболее независимой оказывается немецкая традиция языка цветов, тесно связанная с барочной эмблематической традицией. Значениями наделяются листья, ягоды, виноградная лоза. Ягоды винограда означают «я обожаю только тебя» [Voigt 1822: 163], тогда как листья имеют значения «подающий радость Вакх» [Voigt 1822: 163], «удовольствие» [Voigt 1822: 163], «головокружение от радости» [Voigt 1822: 163]. Виноградная лоза толкуется как «Без тебя я не могу жить» [Selam 1832: 423]. Сочетание лозы и вяза в одном контексте получает значение «брачный союз» [Voigt 1822: 163]. Виноград без указания на какую-либо часть растения также передает такие понятия, как «радость» [Breysig 1830: 929], «удовольствие» [Breysig 1830: 929], «откровенность» [Breysig 1830: 929], «искренность» [Breysig 1830: 929], «изобилие» [Breysig 1830: 929], «плотская любовь» [Breysig 1830: 929]. Как уже говорилось, еще в эмблематической традиции виноград был символом Вакха [Breysig 1830: 928], Силена [Breysig 1830: 928], вакханок [Breysig 1830: 928], Помоны [Breysig 1830: 928], Осени [Breysig 1830: 928]. В немецком языке цветов он также связывается с этими мифологическими персонажами и персонификацией времени года.

Прежде чем устанавливать значения, которые виноград приобретает в русском языке цветов, стоит проанализировать символику его цвета. Самыми распространенными цветами винограда оказываются красный и желтый: «Янтарь и яхонт винограда» [Пушкин 1985: 88], но изредка встречаем и зеленый виноград. Пожалуй, проще всего определить значение зеленого цвета винограда. Выражение «зелен виноград» употребляют, когда «когда и хочется что-то получить, но получить это невозможно, а по-

тому только и остается пренебрежительно отзываться о своей цели» [Академик]. Оно восходит к басне И.А. Крылова «Лисица и виноград», но имеет античные корни: источником сюжета является басня Эзопа. «На взгляд-то он хорош, да зелен – ягодки нет зрелой: тотчас оскомину набьешь», – восклицает лисица «с досадою» [Крылов]. Красный виноград появляется в контекстах, где подразумеваются не только веселье, праздник, но и плотские удовольствия. Наиболее красноречив пример из стихотворения, подписанного буквами «Н. Ф.»: «В храм пышный наслажденья / Дорогой забредем... / Там все к себе манит, / Все чувства веселит: / И виноград румяный, / И Вакха сок багряный / Там братья в рюмки льют / В веселии сердечном / И в обществе беспечном / Песнь радости поют. / Там резвые Людмиллы, / И Софьи и Камиллы – / Всех прелестей собор» [Н. Ф. 1821: 137]. Однако красный виноград намекает на любое сильное чувство, «страсть». В уже упоминавшейся басне лисица пробралась в сад, где «винограду кисти рделись» [Крылов], и немедленно захотела им полакомиться. Комплекс значений желтого винограда гораздо более сложен. Находим «грозди[я] златы[е]» [Дельвиг 1986: 58] там, где речь идет о родительском счастье [Дашков 1803: 207], о родине [Баратынский 1983: 127], о дружбе [Дельвиг 1986: 59], о непорочности молодости [Шенья 1989: 231].

В числе основных значений, которые вслед за европейскими традициями языка цветов придаются винограду в русской литературе, обнаруживаем «любовь», однако это любовь плотская, любовь-страсть, а не возвышенное платоническое чувство. Так, еще у Антиоха Кантемира встречаем: «...Вырежь и Любви бессбруины / И веселы Благодати / Под высоким виноградом, / Полным кистями сладких ягод...» [Кантемир]. Виноградные лозы, оплетающие беседку, становятся символом взаимной любви: «юные любовники, обманутые восходом светлой зари, сошлись в одной беседке, осеняемой виноградными лозами, в конце селения» [Храм любви: 77–78]. Поэт обращается к своей возлюбленной: «Взгляни на эту цепь синеющих холмов: / Как яхонт, виноград здесь рдеет сквозь листов...» [Н. 1819: 72], и алый цвет виноградных гроздьев подсказывает дальнейшее развитие событий.

К этому же кругу значений относятся «радость» и «наслаждение». «Виноград», метонимическое обозначение вина, упоминается в поздравительных стихах, например, у П.А. Вяземского: «Василий Львович милый! здравствуй! / Я бью челом на новый год! / Веселье, мир с тобою царствуй, / ... / Пусть цедится рукою Вакха / В бокал твой лучший виноград» [Вяземский 1986: 152]. П.А. Плетнев упоминает виноград как обязательный элемент праздника: хозяин «гостям своим в отраду / Выжимал из винограду / Сок в живительный покал» [Плетнев 1988: 315]. В стихотво-

рении «К Виню» Н.М. Языкова есть такая строфа: «Невольный гость Петрова града, / Несчастный друг веселых мест, / Где мы кистями винограда / Разукрашаем жизни крест» [Языков 1934: 275]. «Крест жизни», обычно обозначающий страдания и испытания, которые выпадают на долю человеку, противопоставляется здесь «кистям винограда», которые можно понимать как «радости жизни». Такое же противопоставление находим и у П.А. Вяземского: «Так из чужбины отдаленной / Мой стих искал тебя, Денис! / А уж тебя ждал неизменный / Не виноград, а кипарис» [Вяземский 1986: 232]. Здесь противопоставляются два растения-символа – кипарис, означающий «скорбь», и «виноград», толкующийся как «радость».

Как уже говорилось выше, язык цветов был выработан, чтобы выражать дружеские чувства, описывать отношения между родителями и детьми. Так, виноград, пусть и в переводном тексте, появляется в ситуации, когда речь идет о семейных ценностях, например: «Милые дети растут в этой пустыне, почти неприступной, с чистым сердцем, и спешат уже облегчить ваши труды. Так, виноград, который вы посадили при выходе из хижины, осеняет уже ее тению, и обогащает золотыми гроздиями своими» [Дашков 1803: 207]. Дружеская встреча также проходит в саду, где растет виноград: «Милый друг, твои кудри / Старость не скупко осыпала снегом! Приди же к Цефизу; / Здесь отдохни под прохладною тенью: тебя ожидают / Сочный в саду виноград и плодами румяная груша!» [Дельвиг 1986: 531]. Здесь «виноград» означает «радость дружеской встречи», тогда как «груша», грушевое дерево, символизирует «утешение» или «покой» [The Language of Flowers 1858: 14].

Виноград находим в тех контекстах, где упоминаются явления из области умственной деятельности и талантов человека. Так, в стихотворении О. Сомова «Лоза истины» обыгрывается известное латинское выражение *in vino veritas*, принадлежащее Плинию Старшему: «Сей виноград неоцененный / Когда-то сам собою рос / В Аркадии, стране блаженной, / И ягод множество принес» [Сомов 1821: 194]. Поскольку О. Сомов написал это стихотворение в жанре песни, то у него есть припев: «Друзья, навек она пропала, / И возратить ее нельзя: / Увяла / Истины лоза!» [Сомов 1821: 194]. Видимо, в этом контексте виноград символизирует истинное знание, которое создавалось античными философами, но потеряло ценность для современников поэта.

П.А. Вяземского можно считать создателем еще одного значения винограда. В его стихотворениях упоминается «кислый виноград», например, «... виноград мне кисел, / Что сроду я не мог сложить созвучных чисел / В гекзаметр правильный» [Вяземский 1986: 309], где кислый, незрелый виноград связыва-

ется с неумением сочинять гексаметры. Эта же мысль развивается в стихотворении: «Дивлюсь всегда тому счастливцу...»: «А всё же я плохой солдат. / И виноград и лавр мне зелен» [Вяземский 1986: 344–345]. Иными словами, и в поэзии лирический герой не искусен, и военная карьера у него не задалась. Герою стихотворения «Обыкновенная история» оказывается так называемый «средний человек»: «Мудрец, или лентяй, иль просто добрый малый /.../ Пылливого ума не чувствовал тоски; / Нет, этот виноград ему всегда был кисел, / Он не протягивал к нему своей руки» [Вяземский 1986: 407]. Здесь «кислый» виноград символизирует ограниченность ума, отсутствие тяги к знаниям, что возвращает нас к «увядшей лозе истины» О. Сомова. В этих стихотворениях Вяземский обращается не к тому значению, которое появилось у словосочетания «зеленый/кислый виноград» под влиянием упомянутой выше басни И.А. Крылова, а обыгрывает русскую пословицу, существующую в двух вариантах – «Незрел виноград не вкусен, млад человек не искусен» и «Зелен виноград не сладок, а молод человек не крепок» [Снегирев], создавая чисто русское значение винограда с опорой на народную традицию.

И в европейской, в частности в английской и французской традиции, и в русском языке цветов виноград связан с поэзией и вдохновением. В книге эмблем *Minerva Britannia* (1612) Генри Пичем отмечает, что «плоды Вакха, растущие гроздьями, ... желают мастерства Музы» [Reacham 1612: 39]. В стихотворении Эвариста Парни, переведенного Н.А. Маркевичем, поэзия и виноград связаны напрямую: «Сильваны, бог садов, / румяный Вакх мой гений! / Они, они меня вдохнут! / Да будет в них моя услада! / Они бокал мне подадут / И лиру с кистью винограда» [Парни 1989: 91]. В русской поэзии эпохи романтизма также находим соединение винограда и поэзии. Так, в стихотворении Л.Ф. Алексеева, адресованном Н.М. Языкову, есть следующие строки: «Твой круглый стих, как жемчуг дорогой, / Дымясь, кипит над соком винограда» [Языков 1934: 692]. Ту же мысль встречаем и у П.А. Вяземского: «Друзья! Вы в памяти храните, / Что воды воду лишь родят, – / Восторг стихов вы там ищите, / Где расцветает виноград» [Вяземский 1986: 103].

Виноград мог символизировать мирную сельскую жизнь в том Средиземноморье, которое существовало в воображении русских поэтов-романтиков, или, по крайней мере, на юге России. Так, например, «юный Гезиод» [Батюшков 1985: 31] в стихотворении К.Н. Батюшкова «Гезиод и Омир, соперники» воспевал «Заботы сладкие при сборе винограда» [Батюшков 1985: 31], которые радуют жителей «благословенных сел» [Батюшков 1985: 31]. Другой герой Батюшкова, Домосед, рассказывает о прелестях

сельской жизни, упоминая и виноградарство: «От детства я любил ходить за виноградом...» [Батюшков 1934: 148]. Согласно Г.Р. Державину, крестьянин всегда «беспокоится, что градом / На холмах виноград побит» [Державин 1987: 151]. Однако подобное беспокойство приносило богатый урожай, и виноград стал одним из символов изобилия: «Природа дивная! волшебница святая! / Пленен я, удивлен, тебя здесь созерцаю: / Обремененный тут гроздами виноград / И тяжестью плода на мураву нагбенный...» [Норов 1818: 127].

Одним из источников русского языка цветов стала европейская эмблематическая традиция, следы которой можно обнаружить в русской поэзии начала XIX в. Как уже говорилось выше, виноград символизировал античных богов и богинь, а они изображались в человеческом облике. Так, например, в «Иконологическом лексиконе» приводится следующее описание Вакха: он «изображается в виде молодого и резвого юноши, увенчанного плющевым и виноградным листием..., держащего палку, обвитую виноградом и виноградную кисть» [Эмблемы и символы 1995: 38]. Подобные описания давали поэтам возможность вводить виноград в сравнения, раскрывающие особенности характеров героев и героинь, либо придавать винограду черты человека. В переводе И.И. Козлова из Андре Шенье читаем: «В полях блестящий серп зеленых нив не жнет; / Янтарный виноград, в ту пору как цветет, / Не должен хищных рук бояться! / А я лишь начала, красуюсь, расцветать... / И пусть мне суждено слез много проливать – / Я с жизнью не хочу расстаться» [Шенье 1989: 231]. Здесь сравнение с виноградом, причем с виноградом «янтарным», помогает создать образ молодой невинной девушки, только входящей в жизнь. Совершенно иной образ создан в стихотворении П.А. Вяземского «К партизану-поэту (Давыдов, баловень счастливый...)». Поэт скорбит о смерти общего друга: «От сиротствующих пиров / Ты был оторван смертью жадной! / Так резкий ветер, посол снегов, / Сразившись с лозой виноградной, / Красой и гордостью садов, / Срывает с корнем, повергает, / И в ней надежду убивает / Усердных Вакховых сынов!» [Вяземский 1986: 75]. В этом контексте на первый план выходят такие значения, придаваемые винограду, как «праздник», «веселье», «наслаждение», «опьянение», помогающие создать образ погибшего Бурцева, который был «Честь гусаров, / По сердцу Вакха человек!» [Вяземский 1986: 75]. Добавочное значение «любовь» реализуется в стихотворении Г.Д. Державина «Соломон и Суламита»: «...Мой друг прекрасен, млад, умилен..., / Как виноград, он крепок, силен» [Державин]. Сравнение возлюбленного с виноградной лозой появилось у Державина под влиянием эмблематической традиции, поскольку в «Песни песней» тако-

го сравнения нет. Однако и виноград может представлять в облике человека. «Предо мной скалы и горы / Тесно сковывает взоры / Высь подоблачных громад! / Вот на солнечном их скате / Жарко нежится в халате / Полосатом виноград!» [Языков 1934: 511], пишет Н.М. Языков в стихотворении «Крейцнахские солеварни». «Полосатый халат», в котором «нежится» виноград, мог прийти на мысль поэту при взгляде на длинные ряды лоз в винограднике: каждая лоза растет, будучи закреплена на отдельной опоре, и, видимо, ряды опор на фоне зелени вызвали ассоциацию с тканью в полоску. Здесь виноград словно бы присоединяется к людям, отдыхающим летом на курорте в Рейнской области.

Как кажется, особого внимания заслуживает образ Осени. Словарь «Емвлемы и символы» дает такое аллегорическое описание этого времени года: «Осень представляется в виде жрицы Вакховой... в венце из виноградных листьев, с виноградными гроздями в руке» [Эмблемы и символы 1995: 45]. В переводе П.Г. Сиянова из Ламартина осень и виноград появляются в одном контексте: «И осень, вестница метелей, непогод, / К нам зиму хладную ведет! /.../ Так с виноградных лоз в кошницы упадают / Осеннюю порой румяные плоды!» [Ламартин 1989: 325]. Представление об осени как о молодой и красивой девушке удерживается на протяжении всей истории языка цветов в России. Так, у Г.Р. Державина находим: «Уже румяна Осень носит / Снопы златые на гумно, / И роскошь винограду просит / Рукою жадной на вино» [Державин 1987: 79] («Осень во время осады Очакова»). Безымянный автор стихотворения «Сельский житель» пишет в 1815 г.: «И осень для него готовит виноград, / Растущий на холмах вокруг масличной оливы» [Сельский житель: 67]. Проходит около полувека, и у П.А. Вяземского осень уже не «румяная» поселанка, а утонченная, богато одетая дама: «Кокетничает осень с нами / Красавица на западе своем / Последней ласкою, последними дарами / Приманивает нас нежнее с каждым днем... / Всё в ней мне нравится: и пестрота наряда, / И бархат, и парча, и золота струя, / И яхонт, и янтарь, и гроздья винограда, / Которыми она обвешала себя» [Вяземский 1986: 405] («Осень 1874 года. (Гамбург. Октябрь)»). Хотя облик осени изменился, важной деталью ее наряда остается виноград.

Сочетание вяза и винограда отсылает нас к немецкой традиции языка цветов: «Лоза и вяз – брачный союз» [Voigt 1822: 163], однако оно может символизировать и дружбу. В стихотворении А.А. Дельвига «Друзья (Идиллия). Е.А. Баратынскому» рассказывается о том, как две подруги, ожидая детей, дали обет: если родятся мальчик и девочка, то матери будут «молить Гименея и бога Эроса» [Дельвиг 1986: 59], чтобы дети вступили в брак и уподобились «ви-

ноградной лозе и сошке прямой и высокой. / Верной опорой служит одна, украшеньем другая» [Дельвиг 1986: 59]. Виноградную лозу часто изображали растущей рядом с молодым высоким деревом, вокруг которого она обвивалась. Стихотворение К.Н. Батюшкова «Явор прохожему» описывает верность дружбе, сохраняющуюся и после смерти одного из друзей: «Смотрите, виноград кругом как вьется! / Как любит мой полуистлевший пень! / Я некогда давал ему отрадну тень; / Завял... Но виноград со мной не расстанется. Зевеса умоли, / Прохожий, если ты для дружества способен, / Чтоб друг твой моему был некогда подобен / И пепел твой любил, оставшись на земле» [Батюшков 1934: 183]. Это стихотворение могло бы служить подписью к соответствующей картинке в каком-нибудь сборнике эмблем.

Как видим, выполняя роль «иероглифа» в языке цветов, виноград реализует целую палитру значений, соответствующую цвету его ягод. Далеко не все контекстные значения оказываются зафиксированными в словарях языка цветов, но, к счастью, они сохраняются в европейском поэтическом наследии и их «яхонты и янтари» можно собрать в одну корзинку.

Источники

Алексеев Л.Ф. К Н.М. Языкову. Сонет // Языков Н.М. Полное собрание стихотворений. М.; Л.: АCADEMIA, 1934. С. 692–693.

Баратынский Е.А. Дядьке-итальянцу // Баратынский Е.А. Стихотворения. Проза. Письма. М.: Правда, 1983. С. 127–130.

Батюшков К.Н. Странствователь и домосед // Батюшков К.Н. Сочинения. М.; Л.: АCADEMIA, 1934. С. 148–158.

Батюшков К.Н. Гезиод и Омир, соперники // Батюшков К.Н. Нечто о поэте и поэзии. М.: Современник, 1985. С. 28–31.

Вяземский П.А. Стихотворения. Л.: Советский писатель, 1986. 542 с.

Дашков Д. Следы золотого века. С Французского // Утренняя заря: Труды воспитанников Университетского благородного пансиона. Москва: В Университетской типографии, изданием содержателей ея Любия, Гария и Попова, 1803. Кн. 2. С. 206–207.

Дельвиг А.А. Сочинения. Л.: Худ. лит., 1986. 472 с.

Державин Г.Р. Сочинения. Л.: Худ. лит., 1987. 504 с.

Державин Г.Р. Соломон и Суламита. URL: <https://rupoem.ru/derzhavin/all.aspx> (дата обращения: 09.03.2021).

Кантемир А. О стакане серебряном. URL: <https://rvb.ru/18vek/kantemir/01text/03translations/01anacreontes/64.htm> (дата обращения: 16.03.2021).

Крылов И.А. Лисица и виноград. URL: <https://rupoem.ru/krylov/all.aspx#golodnaya-kuma-lisa> (дата обращения: 09.03.2021).

Ламартин, Альфонс де. К Эльвире // Французская элегия 18–19 вв. в переводах поэтов пушкинской поры. М.: Радуга, 1989. С. 323–325.

Н. Весна. Идиллия // Благонамеренный. 1819. № 1, ч. 2. С. 72–73.

Н. Ф. П. В. В. «Ах, ты ли, милый друг...» // Благонамеренный. 1821. № 2, ч. 3. С. 136–137.

Норов А. Отрывок из послания Ла Гарпа к Графу Андрею Петровичу Шувалову // Благонамеренный. 1818. № 8. С. 127–128.

Парни Э. Возвращение // Французская элегия 18–19 вв. в переводах поэтов пушкинской поры. М.: Радуга, 1989. С. 91–93.

Плетнев П.А. Статьи. Стихотворения. Письма. М.: Советская Россия, 1988. 384 с.

Помпея. Поэма // Благонамеренный. 1821. № 4, ч. 7–8. С. 5–7.

Пушкин А.С. Бахчисарайский фонтан // Русская романтическая поэма. М.: Правда, 1985. С. 75–89.

Сельский житель // Амфион: ежемесячное издание. Москва: В Университетской типографии, 1815 (Апрель). С. 66–68.

Словарь крылатых слов и выражений. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_wingwords/934/%D0%97%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%BD (дата обращения: 16.03.2021).

Снегирев И.М. Русские пословицы и притчи. URL: <https://azbyka.ru/fiction/russkie-narodnye-poslovicy-i-pritchi-snegirev/43/> (дата обращения: 17.03.2021)

Сомов О. Лоза истины. (Подр. Французск.) // Благонамеренный. 1821. № 2, ч. 4. С. 194–195.

Храм любви (Анекдот из Жуи) // Благонамеренный. 1819. № 1, ч. 2. С. 77–78.

Шенья А. Молодая узница // Французская элегия 18–19 вв. в переводах поэтов пушкинской поры. М.: Радуга, 1989. 688 с.

Языков Н.М. Полное собрание стихотворений. М.; Л.: ACADEMIA, 1934. С. 275–276.

Breysig A. Wörterbuch der Bildersprache oder kurzgefasste und belehrende Angaben symbolischer und allegorischer Bilder und oft damit vermischter konventioneller Zeichen. Leipzig, bei Friedrich Christian Wilhelm Vogel, 1830, pp. 972.

Burke, Mrs L. The Illustrated Language of Flowers. L., G. Routledge & Co, 1856, 96 p.

Faucon E. Le Language des Fleurs. Paris, Théodore Lefèvre, 1860, 140 p.

Hale S.H. Flora's Interpreter, or the American Book of Flowers and Sentiments. Boston, Thomas H. Webb, 1833, 264 p.

Ildrewe Miss. The Language of Flowers. Boston: DE VRIES, IBARRA, AND COMPANY, 1865, 218 p.

L'Ancien et nouveau langage des fleurs. Paris, Le Bailly, [1850], pp. 108.

Masenius Jacobus. Speculum imaginum veritatis occultae, exhibens symbola, emblemata, hieroglyphica, aenigmata, omni tam materiae, quam formae varietate; exemplis simul, ac praeceptis illustratum. Editio tertia. Coloniae Ubiorum, Viduae & Haeredum Joannis Antonii Kinchii, 1681, pp. 1340.

Miles P. Sentiments of Flowers in Rhymes. NY., Wiley and Putnam, 1848, 96 p.

Peacham H. Minerva Britanna. London, W. Dight, 1612, 214 p.

Phillips H. Floral Emblems. L., Saunders and Otley, 1825, 384 p.

Selam oder die Spracheder Blumen. Wien, Lechner, 1832, 552 s.

The Lady's Book of Flowers and Poetry. New York, J.C. Riker, 1842, 264 p.

The Language of Flowers: An Alphabet of Floral Emblems. L., T. Nelson and Sons, 1858, 54 p.

Tour, Charlotte de la. Le Langage des Fleurs. Paris, GARNIER FRERES., 1858, 310 p.

Voices from the Garden, The Christism Language of Flowers. L., Partridge, Samuel William, 1849, 40 p.

Voigt C. Wörterbuch der Blumensprache fuer Verzierungsmaehler und Stickerinnen. Leipzig, bei Ludwig Herbig, 1822, pp. 248.

Walser G.H. The Bouquet. A Poetic Treasure of Flowers, Their Classics and Vocabulary. Lincoln, Neb, 1897, 276 p.

Список литературы

Эмблемы и символы. Вступительная статья и комментарии А.Е. Махова. М.: ИНТРАДА, 1995. 368 с.

References

Emblemy i simvoly. Vstupitel'naia stat'ia i kommentarii A.E. Makhova [Emblems and symbols. Introductory article and comments by A.E. Makhova]. Moscow, INTRADA Publ., 1995, 368 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 22.03.2021; одобрена после рецензирования 16.04.2021; принята к публикации 10.05.2021.

The article was submitted 22.03.2021; approved after reviewing 16.04.2021; accepted for publication 10.05.2021.